

После той дневной прогулки Лу Цинцзю поначалу ждал, что дракон вновь объявится и расскажет ему больше, но минуло немало времени, а о том ни слуху ни духу. Лишь Бай Юэху время от времени проговаривался, что дракон покинул Шуйфу и пропал неизвестно где.

Лу Цинцзю долго размышлял о том, что могло означать «Уезжай», но сколько бы догадок ни рождалось в его голове, ни одна не приносила удовлетворения.

Весна вступила в силу. Деревья во дворе снова оделись листвой. Буйные зелёные лозы оплели шпалеры, заслонив половину двора, укрыв землю густой тенью – так природа заранее готовила прохладное убежище от палящего летнего зноя.

День рождения Инь Сюня приходился на середину апреля – ровно через месяц после дня рождения Лу Цинцзю.

В народе говорят: «В ручьях, что отражают персиковый цвет, заплывают жирные мандаринки»*. Апрель – время, когда персики пылают цветом, а рыба-мандаринка наливается жирком. Чтобы порадовать Инь Сюня в его праздник, Лу Цинцзю с самого утра отправился в город и купил упитанную рыбу-мандаринку, а заодно припас редкие продукты – всё то, что они обычно не ели, для приготовления чего требовалось чуть больше мастерства. Он задумал устроить Инь Сюню настоящее торжество.

[Стихи Чжан Чжихэ из «Песни рыбака»]

Торт, разумеется, следовало испечь самому. На этот раз Лу Цинцзю решил приготовить «Дуриан Милле» – блинный торт. До того как он оказался здесь, Инь Сюнь и Бай Юэху, похоже, никогда не пробовали заморских фруктов. Инь Сюнь со всей серьёзностью объяснил, почему раньше не ел дуриан, и назвал две главные причины.

«Какие же?» – спросил Лу Цинцзю.

«Во-первых, дурианы дорогие, – с печалью в голосе произнёс Инь Сюнь. – А во-вторых... я беден».

Лу Цинцзю умолк. Какие же дни прожил его бедный «сын»?

Он купил целый дуриан и принёс домой. Даже кожуру не выбросил – решил потушить с ней курицу. Раскрытая мякоть дуриана источала тот самый, ни с чем не сравнимый, резкий аромат. Лу Цинцзю на ходу протянул кусочек Бай Юэху, который стоял рядом и наблюдал за происходящим.

Бай Юэху взял ломтик дуриана. Его брови чуть нахмурились. Инь Сюнь тоже отщипнул крошечный кусочек. Выражение его лица было точь-в-точь как у Бай Юэху – оба выглядели

донельзя серьёзными. И невозможно было понять, нравится им это или нет.

«Вам нравится?» – спросил Лу Цинцзю.

В конце концов, есть те, кто так и не может привыкнуть к дуриану. Кому он по душе – те его обожают, а кто невзлюбил – даже прикоснуться не хотят.

«Сколько он за цзинь?» – тихо поинтересовался Инь Сюнь.

«Этот... больше пятисот юаней», – ответил Лу Цинцзю.

Выражение лица Инь Сюня мгновенно переменялось.

«Нравится! Дай ещё!» – заявил он. Это был вовсе не дурной запах – то был аромат самых настоящих денег.

Лу Цинцзю беспомощно вздохнул и сказал, что, если им не по вкусу, не стоит себя заставлять – он может приготовить другой торт, скажем, с манго, который тоже весьма неплох...

Но стоило Инь Сюню и Бай Юэху услышать цену дуриана, как они с самым серьёзным видом принялись утверждать, что никогда в жизни не пробовали столь восхитительного фрукта. Лу Цинцзю оставалось лишь гадать – смеяться ему или плакать.

Десять кур, которых они купили, во дворе превратились в двенадцать – по большей части потому, что те слишком много ели. Пока Лу Цинцзю обдумывал меню, он прикинул, что тушёной курицы они съели уже предостаточно, и решил приготовить холодную курицу в соевом соусе. А ещё – любимые Инь Сюнем кисло-сладкие рёбрышки и рыбу с маринованной китайской капустой. Он наготовил столько, сколько мог. В конце концов, у них есть Бай Юэху – можно не бояться, что всё не съедят.

Лу Цинцзю уже собирался позвать Бай Юэху, чтобы тот принёс с поля овощей, как вдруг у входа послышался шум автомобильного мотора – кто-то припарковался прямо у их ворот.

И впрямь: через несколько мгновений раздался стук во двор. Лу Цинцзю пошёл открывать и увидел Цзюфэн. Лицо, которого он давно не видел, расплылось в улыбке.

«Цинцзю, давно не виделись», – радостно поприветствовала она его. На шее у неё всё так же болталось ожерелье из восьми человеческих голов. Едва она закончила приветствие, как все восемь голов принялись наперебой здороваться с Лу Цинцзю.

«Давно не виделись. – Лу Цинцзю заметил, что за спиной Цзюфэн стоит высокий человек в чёрной маске, открывающей лишь тёмные глаза. – Вы ко мне по делу?»

«Бай Юэху нет дома?» – спросила Цзюфэн.

«Он ушёл в поле, – ответил Лу Цинцзю. – Вернётся, наверное, нескоро. – У него осталось хорошее впечатление о Цзюфэн, и после короткой паузы он спросил: – Хотите зайти и подождать его?»

«Хорошо. – Цзюфэн радостно кивнула. Затем обернулась и указала на мужчину позади себя: – Это Шаохао. Он пришёл к Бай Юэху по делу».

Услышав имя Шаохао, Лу Цинцзю сразу всё понял. В «Книге гор и морей» упоминался такой бог. Полное его имя – Шаохао, Белый император. Легенды гласят, что в момент его рождения в небо взмыли пять фениксов. Он повелевал сотнями птиц, и везде, где он обитал, – будь то травы, деревья, скалы или звери, – всё покрывалось изящными узорами. Это был бог, исполненный романтики.

«Вы, должно быть, Лу Цинцзю?» – Голос Шаохао был очень мягким. Он казался человеком добродушным. Шагнув вперёд и встав рядом с Цзюфэн, он протянул Лу Цинцзю руку. «Я давно мечтал с вами встретиться».

Лу Цинцзю уже привык к тому, что о нём «наслышаны». Он пожал протянутую руку и пригласил гостей во двор. Однако блюда на кухне не терпели ожидания, и Лу Цинцзю попросил Инь Сюня принести гостям закуски, а сам вернулся к плите.

«Зачем они пришли к нам?» – Инь Сюнь всегда относился к незнакомцам с настороженностью.

«Не знаю, – пожал плечами Лу Цинцзю. – Кажется, они к Бай Юэху».

Инь Сюнь лишь хмыкнул и понёс закуски для двоих.

Среди закусок были и купленные в городе, и те, что приготовил сам Лу Цинцзю, – и все они были необычайно вкусны. Едва увидев угощение, Цзюфэн не смогла сдержать слюнки. Без лишних церемоний она запустила руку и принялась есть. Жуя, она обратилась к Шаохао: «Попробуй, это объединение».

Шаохао на миг заколебался, но, глядя, с каким наслаждением уплетает Цзюфэн, протянул руку и снял маску. И только когда маска упала, Инь Сюнь заметил: нижняя половина лица Шаохао была покрыта чёрными узорами, почти полностью скрывавшими кожу. Узоры были невероятно изящны, но оттого, что покрывали лицо, облик гостя казался ещё более коварным и загадочным.

Инь Сюнь поспешно отвёл взгляд, развернулся и ушёл, оставив закуски на столе.

Шаохао проводил его взглядом и спросил: «Он горный бог?»

«Да. - Цзюфэн громко чавкала, уплетая сушёный сладкий картофель, приготовленный Лу Цинцзю. С лицом, полным блаженства, она заметила: - От него изумительно пахнет, правда? Прямо как жоулинчжи... Вот бы съесть его. Жаль только, что за ним присматривает Бай Юэху».

Шаохао усмехнулся: «Если ты его съешь, у Бай Юэху на обеденном столе появится ещё одно блюдо». - Иными словами, если бы Цзюфэн посмела тронуть Инь Сюня, Бай Юэху вряд ли оставил бы это безнаказанным.

Цзюфэн моргнула. «Так ведь я потому и не трогаю его».

Шаохао откусил ещё кусочек сушёного сладкого картофеля и больше не обращал на неё внимания.

Бай Юэху вернулся с поля, таща огромную охапку овощей. На голове у него была соломенная шляпа, на ногах - резиновые сапоги. Со стороны он выглядел как заправский крестьянский сын. Войдя во двор и увидев двух гостей, он даже не поздоровался - сразу прошёл на кухню и передал Лу Цинцзю овощи, которые держал в руках.

«К тебе пришли друзья», - сказал Лу Цинцзю.

«Угу». - Бай Юэху держался очень холодно.

«У них, наверное, дело к тебе, - продолжал Лу Цинцзю. - Я тут на кухне управляюсь сам, а ты ступай к ним».

Бай Юэху кивнул и вышел. Однако в его выражении сквозило что-то странное. Лу Цинцзю почуял неладное и насторожился. Моя овощи, он незаметно перебрался поближе к окну. Так уж вышло, что окно выходило прямо во двор. Стоя у него, он мог смутно различать голоса снаружи.

«Юэху, давно не виделись», - произнёс Шаохао.

Бай Юэху сел прямо напротив него. «В чём дело?»

«У меня тут небольшое дельце, - сказал Шаохао. - Не хочешь взяться?»

«Нет», - отрезал Бай Юэху.

Услышав столь решительный отказ, Шаохао слегка удивился. «Я хорошо плачу. Ты действительно откажешься?»

«Нет, - повторил Бай Юэху. - С этого момента меня искать не нужно».

«...Ты правда отказываешься от работы? - Шаохао выпрямился и недоверчиво уставился на Бай Юэху. - Это на тебя не похоже».

Бай Юэху чуть приподнял подбородок, и в его лице отразилась гордость. «В этом больше нет нужды» .

Сидевшая рядом Цзюфэн прошептала: «Я же говорила тебе: у него сейчас всё хорошо, ты его не сманишь. Не верил мне. - Она сунула в рот ещё два ломтика сладкого картофеля и горько всхлипнула: - Не то что я. После одной трапезы я не знаю, когда будет следующая».

Шаохао с странным выражением лица покосился на кухню. Лу Цинцзю поспешно нырнул в сторону, но ему показалось, что его всё же заметили. Разговор был слишком странным: зачем Шаохао искал Бай Юэху? Как ни слушай, походило на то, будто кто-то пытается сманить его «ребёнка» на работу. Чем больше Лу Цинцзю думал, тем больше ему чудилось неладное. Он наострил уши, боясь упустить хоть слово.

«Отныне меня не ищи, - сказал Бай Юэху. - Я этим больше не занимаюсь».

Шаохао усмехнулся: «Твой уровень жизни и правда подрос, ха. Давай я накину ещё пятьсот юаней...»

Бай Юэху: «Пятьсот?»

Шаохао: «Тебе хватит на сяолунбао».

Лу Цинцзю, подслушивавший у них за спиной, ощутил в груди бурю противоречивых чувств. Какие, к дьяволу, пятьсот юаней?! Неужели этот Шаохао в самом деле надеялся купить Юэху за жалкие пятьсот монет?! Лисий дух его семьи - разве его можно нанять за такую мелочь? Даже пять тысяч - ничтожно мало! Но мысли Бай Юэху, очевидно, текли совсем в ином русле, нежели у Лу Цинцзю. Тот не мог поверить своим глазам: его маленький профессиональный фермер, его лис, и впрямь околдован пятьюстами юанями?!

«Так ты согласен?» - Шаохао, жуя орех, переспросил вновь.

«Я подумаю».

Лу Цинцзю больше не мог выносить этого. Он положил овощ, который держал в руках, выскользнул из кухни и одарил троих, болтавших во дворе, фальшивой улыбкой. «О чём беседуете?»

«Он просит меня кое-что сделать». – Бай Юэху был на удивление откровенен.

«Что сделать?» – Лу Цинцзю не мог вообразить, что можно поручить Бай Юэху всего за пятьсот юаней.

Заметив, что Лу Цинцзю выглядит так, словно защищает собственное дитя, Шаохао рассмеялся.

«Не волнуйтесь, я просто попросил его помочь мне кое-что съесть».

«Что съесть?» – Лу Цинцзю походил на родителя, наблюдающего за похищением ребёнка, – взгляд его не скрывал подозрений.

«На моей территории завелась стая тварей, именуемых Юянь*, – пояснил Шаохао. – Они охотятся на моих птиц и убивают их. Их слишком много, возиться с ними хлопотно, вот я и подумал попросить Бай Юэху о помощи».

Лу Цинцзю спросил: «Сколько вы предлагаете?»

Шаохао ответил: «Обычно тысяча юаней за услугу, на этот раз я накинул ещё пятьсот. Итого тысяча пятьсот».

Лу Цинцзю обратился к Бай Юэху: «Тысяча пятьсот? А эти Юяни на вкус хороши?»

Бай Юэху покачал головой. «До невозможности отвратительны».

«Сравнимо с трупом Наложницы Повелителя дождя?»

Бай Юэху на мгновение задумался.

«Чуть лучше. – Он помолчал, затем добавил: – По крайней мере, мясо мягкое».

На лице Лу Цинцзю отразилось искреннее сочувствие. Какой же жизнью раньше жил его лисий дух...

Шаохао, уже понявший, что Лу Цинцзю – главный кормилец Бай Юэху, беспомощно махнул рукой.

«Ладно, я знаю, что вы не позволите ему этим заняться, но хотя бы дайте мне отобедать с вами».

Лу Цинцзю ответил: «Хорошо. Сегодня как раз день рождения Инь Сюня, вы с Цзюфэн можете остаться и разделить трапезу».

Услышав это, Цзюфэн снова принялась радостно галдеть вместе с другими восемью головами, но неохотно затихла, когда Бай Юэху прикрикнул на неё за шум.

Съев несколько лёгких закусок, Шаохао остановился и вновь надел маску. Инь Сюнь с любопытством поинтересовался, не вытатуировал ли он эти узоры на себе. Шаохао покачал головой.

«Нет, они природного происхождения. Некоторые люди пугаются их, поэтому я их прикрываю».

В отличие от Бай Юэху и Цзюфэн, которые держались совершенно особняком от людей, Шаохао жил в человеческом обществе. Лу Цинцзю даже заметил, что автомобиль, на котором он приехал, был суперкаром «Порше». Эта машина, припаркованная у его дома, разительно контрастировала с простотой их жилища.

Однако это навело Лу Цинцзю на размышления: почему одни мифические существа способны влиться в человеческое общество, а другие – нет? Когда он задал этот вопрос, Шаохао ответил с улыбкой: «Потому что некоторые из них в мифах уже жили среди людей, или же их изначальные тела были человеческими».

Лу Цинцзю поинтересовался: «Значит, если мифическое существо не похоже на человека, оно не может интегрироваться?»

«Ну... не совсем. – Взяв в пример Бай Юэху, Шаохао пояснил: – Вот, скажем, если бы Бай Юэху работал в человеческом обществе, ему бы всё равно не хватило затраченных усилий, чтобы хоть что-то заработать».

Лу Цинцзю возразил: «Наверное, он просто не нашёл подходящей работы...» – Одного лишь красивого лица Бай Юэху было более чем достаточно, чтобы стать знаменитой «цветочной вазой»*. Даже если не актёр, он мог бы быть моделью или кем-то в этом роде.

[*Так называют «пустышек» – людей с красивой внешностью, но глупых и бесполезных.]

Шаохао пожал плечами. «У него нет выбора. У него нет ни удостоверения личности, ни

свидетельства о проживании, ни образования... – заметив, что лицо Бай Юэху становится всё мрачнее, Шаохао быстро поправился: – Впрочем, это не столь важно».

Бай Юэху промолчал. Он взял кусочек сушёного батата и с хрустом разломил его пополам.

Шаохао неловко рассмеялся, почувствовав лёгкий холодок на шее. Он и впрямь зарвался: пользуясь тем, что Бай Юэху не посмеет рассердиться на Лу Цинцзю, позволил себе малость позабавиться, наплевав на собственную безопасность.

Чем больше Лу Цинцзю слушал, тем тяжелее становилось у него на душе. Сколько же несправедливости вытерпел его лисий дух за эти годы? Раньше он даже не мог позволить себе купить семена для овощей и, проходя мимо лавок с сяолунбао, лишь сглатывал слюну и заставлял себя идти дальше. При мысли об этом в сердце Лу Цинцзю зарождались отеческая жалость и любовь. Больше всего на свете ему хотелось обнять Бай Юэху, погладить по голове и сказать, что у него всегда будет отец.

Хотя Шаохао не удалось заставить Бай Юэху работать на себя, он всё же заполучил обед, который оказался вполне удовлетворительным. Убедившись, что Бай Юэху отклонил приглашение, успокоенный Лу Цинцзю вернулся на кухню доваривать остальные блюда.

С тех пор как Инь Сюнь праздновал день рождения, минула вечность. Когда принесли торт, он был так благодарен, что его глаза наполнились горячими слезами. Лу Цинцзю водрузил на голову Инь Сюня бумажную корону, которую смастерил заранее, затем зажёл свечи на торте. Вся компания затянула песню «Happy Birthday».

Инь Сюнь сидел, всхлипывая, и благодарил Лу Цинцзю за то, что тот дал ему шанс начать новую жизнь.

Лу Цинцзю мысленно вздохнул: «Ладно, не будем ссориться с ребёнком».

Это был блинный торт «Дуриан Милле». Лу Цинцзю закончил готовить его накануне вечером и поставил в холодильник охлаждаться. Теперь, достав его, он разрезал на несколько частей и подал всем, после того как Инь Сюнь задул свечи. Блинный торт-милле удался на славу. Он выглядел превосходно, в крем между слоями был добавлен дуриан, придававший ему насыщенный аромат.

Когда съели все лёгкие закуски и торт, настал черёд стола, ломившегося от прекрасных блюд. Тут были и курица, и утка, и рыба – всех видов. Лу Цинцзю приготовил по одному блюду, которое Инь Сюнь особенно любил.

Откусив кусочек стряпни Лу Цинцзю, на лице Шаохао отразилось изумление. «Вы великолепно готовите».

Лу Цинцзю слегка смутился. «Это всё потому, что овощи, выращенные Бай Юэху, восхитительны, а мясо цунлуна – такое нежное, что даже если я просто небрежно обжарю его, оно всё равно вкусно».

Шаохао улыбнулся. «Вы слишком скромны».

Лу Цинцзю больше ничего не сказал. В глубине души он действительно считал свои кулинарные навыки весьма заурядными. Просто ему обычно нечем было заняться, и вся энергия уходила на готовку. А с добавлением особых ингредиентов вкус получался куда лучше, чем у обычной еды.

Всё это время Цзюфэн и Бай Юэху не проронили ни слова. Они вдвоём ели так, словно сражались.

Аппетит Шаохао был как у человека: он отложил палочки почти одновременно с Лу Цинцзю. Тот удивился.

«Вы больше не будете?»

«Я сыт. – Шаохао вытер рот. – Если у вас будет свободное время, приходите в птичий парк моего дома».

Лу Цинцзю согласился: «Хорошо».

Наполнив желудок, Инь Сюнь объявил, что больше не в силах есть, погладил живот и рухнул на стул, превратившись в блин. Лу Цинцзю заметил, что с самого прихода Шаохао проявлял к Инь Сюню необычайный интерес. Инь Сюнь, этот бестолковый глупец, ровным счётом ничего не замечал.

«Он такой особенный?» – спросил Лу Цинцзю.

Шаохао, уловив суть вопроса, мягко улыбнулся. «Нет, просто мне кажется, что от него исходит очень соблазнительный аромат».

При этих словах Инь Сюнь, который только что рухнул на стул и балансировал на грани сна, мгновенно выпрямился, как струна. Он не был настолько наивен, чтобы вообразить, будто Шаохао питает к нему какой-то иной интерес. Будучи ходячей закуской в человеческом обличье, Инь Сюнь прекрасно осознавал суровую реальность своего положения на дне пищевой цепочки. Похвала Шаохао его «соблазнительному запаху» была, по сути, откровенным признанием в том, что он кажется ему аппетитным.

«Вы когда-нибудь пробовали жоулинчжи?» – поинтересовался Лу Цинцзю.

Шаохао облизнул губы.

«Да. На вкус он был довольно хорош», – с этими словами он одарил Инь Сюня улыбкой. Улыбка эта была исполнена нежности, но от неё у бедного горного бога глаза чуть не вылезли из орбит от ужаса.

Лу Цинцзю твёрдо произнёс: «Он мой друг. Прошу вас больше не думать об этом. Угощайтесь чем-нибудь другим».

Шаохао согласно кивнул: «Хорошо».

На этом разговор исчерпал себя. Насытившийся Шаохао и всё ещё голодная Цзюфэн поднялись и попрощались. Лу Цинцзю проводил их взглядом до двери, дождался, пока они сядут в машину и скроются вдаль, и лишь тогда развернулся и вернулся в дом.

Едва Шаохао исчез из виду, Инь Сюнь возмущённо фыркнул: этот тип – настоящий зверь в человеческой шкуре, он ведь прямо в лицо обсуждал, каков Инь Сюнь на вкус! Лу Цинцзю показалось это забавным, но, боясь рассердить друга, он сдержал смех и лишь ободряюще похлопал своего «глупого сыночка» по плечу.

Плотно поев, Бай Юэху вернулся во двор, чтобы прилечь. Погружённый в раздумья, Лу Цинцзю прошёл в комнату за своей курткой и позвал Инь Сюня выйти во двор.

«Я решил выдавать вам карманные деньги», – объявил Лу Цинцзю, вытаскивая бумажник из кармана куртки. Он размышлял, что его лис и маленький горный бог уже достаточно взрослые, чтобы иметь карманные деньги. Иначе, если вдруг появится ещё один Шаохао и обманет их всего за пятьсот юаней, что тогда делать? Раньше он сам совершал все покупки, поэтому не замечал этой проблемы, но сегодняшний случай открыл ему глаза.

«Деньги? Зачем ты даёшь нам деньги?» – Инь Сюнь озадаченно уставился на Лу Цинцзю, явно не понимая причин столь внезапной щедрости.

Лу Цинцзю пояснил: «Сможете купить себе закуски или ещё что-нибудь, что захочется. У нас сейчас всё хорошо, нужды ни в чём нет. Если захотите что-то приобрести – просто покупайте, не стесняйтесь». – В душе он добавил, что таким благополучием они обязаны Мисс Призраку из внутреннего двора. Эта призрачная леди действительно сделала для этой семьи невероятно много...

Инь Сюнь хотел возразить, но, увидев, что Лу Цинцзю уже принял решение, промолчал. Бай Юэху поначалу тоже собирался отказаться, но, заметив серьёзное выражение лица друга, передумал.

«Каждый месяц вы будете получать по две тысячи юаней на карманные расходы. Если не

хватит – просто попросите у меня добавки. Но вам запрещается братья за случайные подработки, – голос Лу Цинцзю стал строгим, – прежде чем соглашаться на что-то вроде того, что предложил Шаохао, вы обязаны сообщить мне. Не позволяйте себя обмануть за пятьсот юаней».

Бай Юэху открыл было рот, но тут же закрыл его, так ничего и не сказав.

Инь Сюнь уставился на пачку хрустящих, красных купюр. Руки его мелко задрожали.

«Это... это слишком много...» – выдохнул он. Он никогда в жизни не видел столько денег. Обычно за всё платил Лу Цинцзю, а сам Инь Сюнь редко тратил больше ста юаней на продукты; крупные покупки оплачивал переводом по QR-коду.

Бай Юэху нахмурился: «Да, это действительно слишком».

Лу Цинцзю устало вздохнул: «Берите!» – Он не мог спокойно смотреть, как его «дети» терпят лишения. Бай Юэху был готов съесть кусок грязи за тысячу пятьсот юаней от Шаохао – это было совершенно неприемлемо. А его лисий дух – такой милый, пушистый, – как он мог позволить ему заниматься такой грубой работой?!

Несмотря на все возражения Инь Сюня и Бай Юэху, под настойчивым напором Лу Цинцзю они всё же приняли деньги. Инь Сюнь сказал, что положит их на свою карту, а Бай Юэху, не имея удостоверения личности, отыскал в кладовке старую банку, тщательно её вычистил, пересчитал купюры и аккуратно сложил их внутрь.

Лу Цинцзю задумчиво спросил: «Кстати, Юэху, даже если у тебя нет паспорта, разве у тебя нет другого способа заработать?»

По его представлениям, драконы всегда были символом богатства, а Бай Юэху – наоборот, до того беден, что не может позволить себе даже булочку».

«Я не могу зарабатывать деньги среди людей», – тихо ответил Бай Юэху.

«Почему?»

«Если я зарабатываю – я голодаю».

Лу Цинцзю опешил.

«Чем больше я зарабатываю, тем сильнее голод, – медленно пояснил Бай Юэху. – Так что лучше уж я вообще ничего не буду делать». – До встречи с Лу Цинцзю он голодал почти каждый день. Пища, приготовленная людьми, несла в себе человеческую энергию и отлично

утоляла голод, но у него не было денег, чтобы её купить, поэтому приходилось питаться мифическими тварями вроде вэньяо, лишь бы немного насытиться.

«А если я даю тебе деньги, ты голодаешь?» – уточнил Лу Цинцзю.

Бай Юэху покачал головой.

Лу Цинцзю с облегчением выдохнул. Он посмотрел на Бай Юэху со смесью нежности и жалости, думая о том, как эти двое вообще выживали без него. Он обязательно должен хорошо к ним относиться, дать им самую тёплую отеческую заботу... нет, дружескую поддержку.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: «Даже если дуриан воняет, стоит только подумать о цене – и он покажется вкусным».

Инь Сюнь: «Верно, верно, верно!»

Лу Цинцзю: «...?»

Переводчику есть что сказать:

ессо: Я так и не решилась попробовать дуриан! Вот как-то упустила этот момент в путешествии. Любопытство гложет.

Ха-ха-ха-ха, жизнь бедняка тяжела!

Итак, Инь Сюнь и Бай Юэху положили деньги в банк... ну, в случае Юэху – в банку. Милые и пушистые не должны есть грязь. Они должны есть, спать и давать себя гладить.